

А как насчет тех людей, которые остались одни во время изоляции? Пандемия усилила социальное одиночество ограничением чувственного общения. Мы можем предположить, что произойдет существенное уменьшение социальных связей и, тем самым, – снижение экстраверсии. К позитивным эффектам можно отнести увеличение свободного времени для саморазвития, познания себя, расстановки приоритетов, определения своих желаний.

Для людей с поддерживающим партнером период изоляции мог бы предоставить долгожданную возможность для личностного роста. Напротив, для людей, которые месяцами сидели дома в несчастливых отношениях или подвергались постоянному гнету домашних обязанностей, влияние на их личность наверняка было бы отрицательным.

Единственное, что можно сказать точно: это время для размышлений, которое может привести к увеличению «ясности самооценки» – степени, в которой люди будут иметь реалистичное представление о себе и своих жизненных целях.

Итак, при изучении влияния изоляции на развитие личности нужно рассматривать многие факторы, такие как: стиль жизни человека до данного периода, количество и крепость его социальных связей, также рекомендуется рассмотреть то, как он будет реагировать на стрессовые ситуации, связанные с удаленной работой дома, с бытовыми проблемами. Но совершенно определенно можно сказать, что мы уже не будем прежними.

**Петров С. М., Компаниец М.Б.,
НТУ «ХПИ»**

ЧЕЛОВЕК, МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА

Одним из вопросов, который, по-видимому, никогда не теряет актуальности, можно считать вопрос о человеке. Европейская традиция

сообщает нам некую устойчивую матрицу понимания того, что такое человек. И одним из кардинальных элементов этой матрицы, который передается нам традицией как «незыблемый», «очевидный и несомненный», является нарратив «бесполости» человеческой сущности и человеческого бытия. Это кажется нам как бы само собою разумеющимся: половое различие, не входит в число существенных признаков определения человека; такие важнейшие, определяющие саму суть человеческого вещи как «сознание», «мышление», «ум», «душа», «эстетическое чувство», традиционно считаются индифферентными фактору пола.

Таково фактическое положение дел, разбирать причины которого мы здесь не можем. Однако в современной социальной истории Запада мы имеем факт т.н. «феминизма», а в рамках академической традиции — феномен т.н. Gender Studies, гендерных исследований. Мы предпримем здесь попытку их краткого рассмотрения.

В так называемой «большой волне» первой четверти XX века, (обусловленной буржуазными революциями конца XVIII–XIX веков), женское движение фиксировалось на борьбе за равноправие полов, т.е. за равный доступ женщин к сфере общественной деятельности — за право равного участия в политической жизни, за активное и пассивное избирательное право, за доступ к институтам преподавания и образования и т.д. Однако, осуществление этих, в принципе, логичных и справедливых требований, в реальности, натолкнулось на чрезвычайно активное сопротивление.

«Вторая волна» женского движения приходится приблизительно на 60-е годы XX в. Речь теперь шла не столько о проведении в жизнь политических и социальных прав, сколько об углублении понимания того, каким именно образом иерархическая половая структура закрепляется в глубинных структурах культуры и общества, в научных и религиозных представлениях, в навыках восприятия и ощущениях. В русле этой проблематики и возникла такая дисциплина как «Gender Studies».

Гендерные исследования имеют своей целью систематическое изучение категории пола как комплекса, включающего в себя половую идентичность и половое различие, отношения между полами, половой порядок, а также его конституирование в различных областях общественной жизни и в научных теориях. Главными теоретическими источниками гендерных исследований являются, прежде всего, либеральная мысль, социалистическая традиция в общественной мысли и психоанализ.

Из наследия Просвещения и либерализма гендерные исследования заимствовали представления об эмансипации, равенстве, автономии, прогрессе и т.п.; из научного социализма и марксизма – подход к осмыслению отношений между полами как особого социального механизма господства и эксплуатации; психоанализ научил гендерные исследования тематизировать социальное и культурное конституирование пола, и половой идентичности. В настоящее время тесные отношения сложились у гендерных исследований с постструктурализмом, и соответственно, с теорией деконструкции, а также другими новыми теоретическими течениями (например, с *cultural studies*).

Вместе с тем, *Gender Studies* нельзя полностью свести к названным, но также, к каким-либо другим подходам. Они не являются единым учением, доктриной или системой. Неким объединяющим моментом здесь выступает только общая категория пола («гендер») и заинтересованность в изменении полового устройства общества в сторону большей справедливости и равенства в отношениях между полами, а также, большего пространства развертывания индивидуальных половых идентификаций.

Западная традиция не только отстраняла женщину от формирования общественной и политической действительности, но и закрывала ей доступ к институциональным формам понятийного и теоретического созидания. Способы вопрошания, умозаключения и интерпретации во всех областях знания представляются односторонними, ориентированными исключительно на самоосмысление и миропонимание мужчины. Это т.н. «андроцентризм»

западной культуры со свойственной ему перспективой жесткого полового разделения. Эта перспектива, находясь в явном противоречии с перспективой женщины, считалась, тем не менее, единственной и образцовой.

В этой связи следует остановиться на двух моментах, имевших в философском плане фундаментальное значение.

Первый момент. Моделью и масштабом для таких понятий или идей, как «человек», «человеческое бытие», «идентичность», «субъект мышления и действия» служило исключительно существование мужчины. Конфронтация феминизма с традиционной западной философией начинается с критики «человеческого начала» как нейтрального и универсального понятия. Применяемая к самым разным контекстам, подтверждаемая бесчисленными примерами, эта критика сводится, по существу, к констатации того факта, что философские проекты, которые на первый взгляд отсылают к нейтральному в половом отношении понятию «человеческого», на самом деле скрывают маскулинные перспективы и интересы. Другими словами, понятие «человек» либо вообще не включало в себя такое содержание как человек-женщина, либо подразумевало его как нечто вторичное. Множество примеров из разных эпох – от начал западного мышления до наших дней, от теории Аристотеля, приписывавшего зачатие ребенка женского пола неблагоприятному стечению обстоятельств, до Лакана, противопоставлявшего женское как «не-все», «не-всё» («pas-tout») мужскому «все», «всё», – свидетельствует об этом. Перед нами, говоря словами Ж. Деррида, «фаллоцентрическая система репрезентации». Поскольку репрезентация пола осуществляется всегда в рамках бинарной оппозиции, постольку один из членов этой оппозиции выступает не иначе как отрицание, негация другого члена, а значит – как отсутствие или недостаток. В результате «телесная специфика женщины получает определение и понимается только в известном отношении ее к специфике мужчины – как ее противоположность, дубликат или дополнение» (Элизабет Гроц).

Второй момент. Понятия «общественного» и «политического»

формировались без учета отношений между полами. Андроцентрическому представлению о распределении половых ролей соответствует исключение взаимоотношений между полами из общественно-политической сферы. Способ регулирования отношений между полами (а так же между поколениями) понимался в западной интеллектуальной традиции не как часть общественного порядка, а как природная данность. Исключение полового порядка (как и исключение женщины) из общественно-культурной сферы и переподчинение его порядку природы придает категории «пол» и отношениям между полами качество неизменности и устойчивости, защищая их тем самым от оценки с точки зрения справедливости или «хорошей жизни». В результате выдвигается следующий постулат: не общественный порядок, который может быть изменен и который вообще есть продукт человеческой деятельности, детерминирует привилегированное положение мужчины и второстепенную роль женщин, а анатомия, «раз и навсегда данная человеку» (З. Фрейд).

Одной из главных задач гендерных исследований применительно к проблемам половой идентичности и отношений между полами является делегитимация представлений о них как о «натуральных». В противовес этой позиции гендерные теоретики показывают, что отношения между мужчиной и женщиной составляют сердцевину любой социальной системы – наряду с классовыми и межпоколенческими отношениями, отношениями между общественными слоями, отношениями способа производства, и наконец, наряду с отношением человека к природе.

Категория пола, т.о. признанная в качестве отправного пункта общественных и культурологических исследований, тем не менее, еще не разработана окончательно. Для современных гендерных теорий важнейшим является вопрос о том, что и как порождает дихотомию природного и общественного/культурного или даже саму категорию культуры. В данной постановке пол рассматривается в контексте не только социального, но и символического конструирования. Основу полового порядка составляет

символический договор, аналогичный общественному договору как фундаменту социального порядка. Символический договор есть такой вид общественного договора, который регулирует не порядок производства материальных благ, а порядок воспроизводства, выживания рода, жизни и смерти, тела, пола и символа (Ю. Кристева).

К предметам культурного или символического конструирования наряду с телом относятся также системы представления и значения – язык, искусство/литература, религия и философия – то есть именно те сферы, которые не попадают в центр внимания теорий социального устройства, ориентированных на категории права, экономики и политики. Подобное расширение перспективы за счет включения в нее культурного или символического измерения относится к числу фундаментальных познавательных задач, вставших перед Gender Studies в последние годы. Каким образом в различных духовных, культурных, познавательных, экзистенциальных и социальных образованиях осуществляется постоянное производство пола и полового различия — вот главный вопрос гендерных исследований сегодня.

Полтавец А. А., Колобоцкий И. М.

НТУ «ХПИ»

ПОЛ ФЕЙЕРАБЕНД И ЕГО «НАУКА»

Какой образ возникает в нашем сознании при произнесении слова «наука»? Этот образ сообщается нам всей традицией классического Запада, которая имеет феномен науки, научность в качестве своего базового элемента. Поэтому, этот образ, индуцируемый в нас словом «наука», конечно же, весьма фундаментален, монументален, почетен и почтенен. Нам рисуется прочнейшее здание объективного, доказательного, достоверного, строгого, методического и системного знания, которое зависит лишь от истины самой